

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ТАТАРСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ НА ИСЛАМСКИЕ ПРАВОВЫЕ ШКОЛЫ XVIII — НАЧ. XX В.

АБУЛХАНОВ

Наиль Бариевич,

аспирант, ведущий специалист отдела науки и образования ЦРО — ДУМ РТ (420021, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Тукая, д. 38).
E-mail: nailbulhanov@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается актуальная проблема изучения, сохранения и развития традиционных форм общественно-религиозной жизни в современном татаро-мусульманском сообществе. В этом ключе изучаются вопросы развития религиозно-правовой мысли у татар, место и роль ханафитской правовой школы, эволюция восприятия религиозно-правовых школ среди наиболее известных представителей татарской общественной мысли. Рассматриваются взгляды ученых-богословов, живших в разные исторические периоды, относительно мазхаба, иджтихада, таклида, общей направленности религиозно-правовой мысли у татар XVIII — начала XX в.

Ключевые слова: общественная мысль, исламское право, мазхаб, татарские богословы, ислам, джадидизм.

УДК 23

DOI: 10.22311/2074-1529-2017-13-1-91-102

Арабское слово «мазхаб» происходит от корня «захаб» — «пойти», «направиться», и означает, таким образом, направление в религиозно-правовой мысли, имеющее своего основателя и базирующееся на его воззрениях¹. Исторически на территории Волго-Уральского региона распространился ханафитский мазхаб.

Характеризуя ханафитскую школу, можно сказать, что по сравнению с другими она наиболее умозрительная и толерантная, изначально выбравшая путь логических и рациональных суждений. Важной особенностью ханафизма является широкое использование обычного права, местных обычаев в том случае, если соответствующий вопрос не урегулирован исламом². Также ханафиты считают, что даже без покаяния грешный верующий не выходит из ислама и не останется в аду навечно³, соответственно он не перестает быть субъектом ханафитского права. Благодаря этим свойствам — гибкости, религиозной терпимости,

¹ Филипс Абу Амина Биляль. Эволюция фикха: Ислам, закон и мазхабы. Киев: Ансар Фаундейшн, 2001. С. 15

² Там же. С. 10.

³ Айдын, Али-заде. [Электронный ресурс]. // URL: tataroved.ru/religion/publ/2/ (Дата обращения: 25.02.15).

допустимости принятия религиозно-правовых решений исходя из практики, местных обычаев — ханафитская школа получила возможность ориентироваться на широкие массы населения, в том числе и на тех, кто слабо придерживался всех канонов ислама.

Наиболее ранние сведения о том, приверженцами какого мазхаба были мусульмане Поволжья, встречаются у восточных, и в частности арабских, путешественников. Первые такого рода данные мы находим в рукописях Ахмада ибн Фадлана, в которых описывается путешествие багдадского посольства халифа Ал-Муктадира в Волжскую Булгарию, случившееся 921–922 гг. Ибн Фадлан в этом посольстве состоял на должности секретаря. Источник дает нам ценные сведения о распространении ислама среди предков татар и об их приверженности ханафитскому мазхабу. Кроме того, он содержит неопровержимые доказательства того, что задолго до визита багдадского посольства на земле современного Татарстана был распространен ислам. Ибн Фадлан пишет, что на момент прибытия посольства царь болгар и часть населения уже являлись мусульманами, имелась мечеть, с которой провозглашался азан¹. Это подтверждает и арабский путешественник начала X в. Абу Али Ахмад бин Умар Ибн Даста: в своих путевых записках он говорит о болгарях как о мусульманах, упоминая о наличии в их селениях «мечетей и начальных училищ с муэдзинами и имамами»². Хусаин Амирханов в «Таварих-е Булгарийа», опираясь на средневековых авторов, пишет о существовании более ста улемов и шейхов в период правления ханов Едигера (прав. 1552–1563) и Гадель Шаха³. В заметках Ибн Баттуты (1304–1377), берберского путешественника, есть рассказ о собрании у хана Узбека, правителя Золотой Орды, где участвовало большое количество ученых, факихов и шейхов. Это свидетельствует о том, что богословская мысль играла важную роль на протяжении всей истории татарского народа⁴.

С принятием ислама в качестве государственной религии в Волжской Булгарии государственный статус получила и ханафитская религиозно-правовая школа. Вся миссионерская, просветительская деятельность ориентировалась на среднеазиатские институты, имеющие ханафитскую направленность. Поэтому закономерно, что с самых первых дней ислама на берегах Волги ханафизм стал приоритетным направлением⁵.

¹ Путешествие Ахмеда ибн Фадлана на реку Итиль и принятие в Булгарии ислама. Казань: изд. «Хузур — спокойствие», 2014. С. 35.

² Известия о Хозарах, Бургасах, Болгарах, Мадьярах, Славянах и Руссах Абу-Али Ахмеда Бен Омар Ибн Даста, неизвестного доселе арабского писателя начала X века, по рукописи Британского музея. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1869. С. 25.

³ Амирханов Хусаин. Таварих-е Булгарийа (Булгарские хроники). М.: ИД «Марджани», 2010. С. 49.

⁴ Шагавиев Д. А. Татарская богословско-философская мысль (XIX–нач. XX в.): курс лекций. Казань: Институт истории АН РТ. 2008. С. 56.

⁵ Давлетшин Г. М. Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа (истоки, становление, развитие). Казань: ТКИ, 2004. С. 201.

Необходимо заметить, что в период татарской государственности в исламском мире не считалось возможным исповедание ислама вне правовой школы, и на это были свои объективные причины. Религия в те времена играла куда более важную роль, чем сегодня. Под ее регуляцию подпадала не только культовая практика, но и экономические, межконфессиональные, нравственные и даже политические отношения в средневековых государствах. Несомненно, татарские государственные образования не были исключением из этого правила. В связи с этим выбор мазхаба — религиозно-правовой школы — был делом чрезвычайной важности, этот выбор оказывал решающее влияние на всю жизнь общества. Представители татарской религиозно-богословской мысли также входили в число последователей традиционного ханафитского фикха¹.

В своей книге «Наставление людей на путь истины» (ал-Иршад ли-л-ибад) известный татарский богослов Абу-н-Наср Курсави (1776–1812) в отдельной главе под названием «О фатве и таклиде» подробно рассматривает эти понятия. По мнению автора, приверженность мазхабу — естественный путь исповедания ислама. Религиозно-правовое решение не может быть выведено никем, кроме муфтия (собственно, само слово «муфтий» происходит от слова «фатва», что означает «религиозно-правовое решение»). Ал-Курсави приводит мнение ученых прошлых веков, утверждая, что «муфтий — это муджтахид, то есть тот, кто берет ответ на вопрос из Книги (Корана), Сунны (изречений пророка Мухаммада), иджма (единогласного мнения ученых исламской общины) и кыяса (сравнительной аналогии)»². Автор высказывает мнение, что шариатское постановление берется исключительно из этих четырех источников, в то время как таклид (традиция, следование установкам одной правовой школы) не является источником религиозного права. Стало быть, считает автор, не допускается таклид в религии без необходимости. Необходимость же, по мнению Курсави, появляется в том случае, если верующий сам не в состоянии исследовать тот или иной религиозный вопрос и сделать осознанный выбор. В остальных же случаях таклид представляется порицаемым явлением³.

С именем другого известного богослова — Габдрахима Утыз-Имяни (1752–1836) — связано целое направление татарской богословской мысли. Он акцентирует свое внимание на обязанности соблюдения правил чтения Священного Корана (правила таджвида), необязательности и оставлении пятничных и праздничных намазов из-за отсутствия необходимых условий, отмене намаза ясту (ночной молитвы) в летнее

¹ Шагавиев Д. А. Татарская богословско-философская мысль (XIX–нач. XX в.): курс лекций. Казань: Институт истории АН РТ, 2008. С. 210.

² Курсави, Абу-н-Наср. Наставление людей на путь истины (ал-Иршад ли-л-ибад) / пер. с араб. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. С. 126.

³ Там же. С. 139.

время года, запрете на науку калам, логику, философию, но наиболее подробно трактует отношение к иджтихаду¹.

Слово «иджтихад» означает приложение максимальных усилий в каком-либо виде деятельности. В исламском праве иджтихад — это приложение усилий в области фикха, в области законотворческой деятельности. Таким образом, иджтихад позволяет в некотором смысле адаптировать шариат к реалиям конкретного времени, отказываясь порой от основ исламского права, заложенных на заре его формирования.

Для совершения иджтихада есть определенные условия. Осуществлять его означает вводить новые правила жизни исламской общины, что, конечно же, под силу только крупному ученому, достигшему больших высот в изучении и понимании шариата. В широком смысле иджтихаду противопоставлен таклид — следование за религиозным авторитетом и отказ от самостоятельного правотворчества. Баланс между таклидом и иджтихадом — вот вопрос, которому Утыз-Имяни уделял особое внимание.

Мусульманские ученые сформулировали три степени иджтихада:

1. Абсолютный иджтихад. Он не ограничен ничем, кроме Корана и Сунны Пророка, то есть позволяет осуществлять законотворческую деятельность в рамках всего ислама.

2. Иджтихад в рамках мазхаба (конкретной религиозно-правовой школы). Он ограничен правилами и основами мазхабов, внутри которых иджтихад проводится. Правила введены основоположниками мазхабов и не подвергаются корректировкам.

3. Иджтихад в конкретном вопросе, по конкретной ситуации. Данный иджтихад также осуществляется с опорой на основы мазхаба, но редко затрагивает больше одного вопроса².

Г. Утыз-Имяни перечисляет и признает все три группы иджтихада, говорит о возможности существования всех трех групп муджтахидов, которые имеют право совершать иджтихад. Он вводит классификацию ученых, деля их по степеням иджтихада.

Так, к первой группе, к абсолютным муджтахидам, он относит основателей мазхабов — имама Абу Ханифу, имама Шафии, имама Малика, имама Ахмада, добавляя к ним также Суфьяна ас-Саури, которого считает ученым, равным по своей значимости основателям мазхабов. Во вторую группу он включает учеников выдающихся имамов, а именно: Абу Юсуфа, Мухаммада ибн Хасана, Зуфара. Третья группа представлена такими учеными, как ат-Тахави, Абу-л-Хасан ал-Кархи, Хасиф Сарахси, Казы-хан³.

¹ Утыз-Имяни Габдрахим. Избранное / сост и пер. с араб. яз. Р. Адыгамова. Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. С. 9.

² Там же. С. 45.

³ Адыгамов Р. К. Габдрахим Утыз-Имяни. Казань: «Фэн»; АН РТ, 2005. С. 72–73.

Таким образом, Г. Утыз-Имяни ограничивает «врата иджтихада» учеными первых поколений. Логично предположить, что мусульманам последующих поколений Утыз-Имяни оставляет только таклид. Если текст, на который опирается верующий, исходит от муджтахидов, то мукаллиду следует его принять и он не обязан искать и требовать далил, то есть доказательство в исламском праве, устанавливающее правомочность тех или иных действий.

В этих словах Г. Утыз-Имяни выражает свое отношение к мазхабу, к следованию предписаниям определенной религиозно-правовой школы. Он считает, что для верующего является достаточным таклид за великими учеными, а изучение доказательств из Корана и Сунны необязательно. Этим ученый разделяет верующих на две неравные группы — избранных муджтахидов и составляющих большую часть рядовых мусульман, то есть мукаллидов¹. Нет сомнения, что муджтахиды занимают более высокое положение, чем мукаллиды. Иджтихад — прерогатива избранных правоведов. Отношение Г. Утыз-Имяни к мазхабам — это признание таклида как наиболее верного способа исповедания ислама, способа, который обезопасит мусульманина от ошибок.

Шихабетдин Марджани (1818–1889) призывал несколько ослабить регламентирующую функцию ханафитского мазхаба, ограничить рамки таклида. Причиной критики слепого следования предписаниям являлось то, что абсолютный таклид ущемляет свободу выбора мусульманина, строго подчиняет правилам все аспекты жизни мусульман, связанные с религией. Марджани не соглашался с утверждением, что эпоха абсолютного иджтихада закончилась, и одновременно объяснял смысл в необходимости следовать одной религиозно-правовой школе, притом, что совершение дел в соответствии со вновь открывшимися доводами для мусульманина не является отказом от мазхаба². Абсолютный таклид предполагает неизменность точек зрения на те или иные правовые вопросы ислама. Поэтому невозможность абсолютного таклида обусловлена тем, что невозможно остановить развитие общества. Религиозно-правовая норма, ее содержание, ее применение, специфика ее внедрения зачастую зависят от тех условий жизни мусульманина, которые наличествуют в конкретный исторический период, и если изменяются условия, изменяется и религиозно-правовая окраска, если изменяются факторы, воздействующие на мусульманина и на общину мусульман, это совершенно определенно должно вызвать изменение правовой концепции в целях приспособления к новым реалиям.

¹ Мукаллид — мусульманин, следующий таклиду.

² *Марджани Ш.* Зрелая мудрость в разьяснении догматов ан-Насафи (ал-Хикма ал-балига) / предисл. и пер. с араб. яз. Д. Шагавиева. Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. С. 86.

Вместе с тем сохранение основ шариата является залогом приверженности исламу, способом самосохранения мусульман.

Ш. Марджани доказывал, что нет противоречия между изменением отдельных положений религии и приверженностью ханафитскому мазхабу. Являясь крупным ученым, факихом, муджтахидом, он не мог ограничить свои воззрения рамками конкретных мазхабов. Ш. Марджани выдвинул разумный подход — совмещение приверженности ханафитскому мазхабу с возможностью изменять отдельные приложения религиозной правовой школы ислама.

Достаточно полно свои взгляды на мазхабы, иджтихад, таклид Ш. Марджани выразил в известной книге *Нузурат ал-хакк фи фардыят ал-иша ва ин лям ягыб аш-шамс* («Обозрение истины относительно обязательности вечерней молитвы, даже если не исчезает вечерняя заря»), которая увидела свет в 1870 году в Казани. Этот труд в некоторой степени схож с книгой *Рисалат диблага* Г. Утыз-Имяни в том плане, что в обеих книгах на фоне частной проблемы исламского права поднимаются важнейшие вопросы следования религиозно-правовой школе, понимания мазхаба, иджтихада, таклида, талфика ал-мазахиб¹. В этом смысле обе книги имеют непреходящее значение.

Ризаэтдин Фахретдин (1859–1936), как серьезный исследователь, старался не впадать в радикализм в вопросах религиозно-правовых школ, иджтихада, таклида. Он считал, что возникновение мазхабов — выражение реформаторского характера ислама, в противном случае «не могли бы появиться такие великие деятели, как имам Малик и имам Шафи’и, Суфиян Саури... и тем более сложиться правовые школы — мазхабы, как, например, мазхаб имама Абу Ханифы, являющегося совершенным образцом воплощения свободомыслия»². Однако, развивая свою идею, Фахретдин считал, что приверженцам каждого из мазхабов необходимо «как можно плотнее и усерднее следовать за Кораном и Сунной. Ибо каждый из основоположников известных четырех мазхабов запрещал следовать за собой, пока ищущий сам не находил и не узнавал доказательств»³. Это требование хорошо выражено в знаменитых словах Абу Ханифы: «Не дозволяется никому выносить фатву по словам нашим до тех пор, пока не узнают, исходя из чего мы сказали»⁴. Р. Фахретдин высказывал мысль, что абсолютизация мазхабов недопустима и по другой причине, поскольку «когда речь идет о... мазхабах,

¹ Ат-талфик ал-мазахиб — соединение противоположных и противоречивых норм, относящихся к двум или более мазхабам.

² *Мухаметшин Р.* Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в XX веке. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. С. 118.

³ Там же.

⁴ *Курсави Абу-н-Наср.* Наставление людей на путь истины (ал-Иршад ли-л-ибад) / пер. с араб. яз. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. С. 141.

то следует знать, что основателями их не являются Абу Ханифа и Шафи'и, Малик и Ибн Ханбал. Упомянутые мазхабы основаны другими людьми спустя много времени после смерти названных мыслителей. Поэтому... они не совсем бы согласились с тем, что к их именам при-вязываются такие мазхабы, что очень часто их именами спекулируют или прикрываются ими»¹. Хотя Р. Фахретдин призывал не идеализировать мазхабы, из его труда видно, что предпочтение он отдавал ханафитскому мазхабу. Об этом также пишет А. Н. Юзеев, говоря, что Р. Фахретдин был приверженцем ханафитского мазхаба². Это мнение подтверждается и его положительными высказываниями в отношении как самого Абу Ханифы, так и ханафитского мазхаба в целом, а также обращением по каким-либо религиозным вопросам к суждениям представителей данного мазхаба³.

Точка зрения Зыяэтдина Камали (1873–1942), выдающегося реформатора и философа своего времени, также достойна всестороннего внимания. Теологические работы Камали дают возможность ясно представить взгляды ученого на мазхабы, таклид, иджтихад и другие принципиальные вопросы. Необходимо сразу отметить, что его воззрения отличались от традиционного для татарского духовенства понимания этих проблем и отражали джадидитское направление татарской религиозно-богословской мысли.

Если говорить о традиционном духовенстве, то его Камали подвергал критике, так как оно, по мнению ученого, во всех религиозных, а порой и светских вопросах следовало авторитетам прошлого, сформировавшимся правилам мазхаба Абу Ханифы. Камали высказывался против того, чтобы все вопросы решались по схемам, введенным до XII в., когда «врата иджтихада» были закрыты⁴.

С развитием буржуазных отношений подобное положение дел стало вызывать вопросы. В связи с этим З. Камали и другие представители реформаторского направления, джадидизма, выступали с предложением возобновить иджтихад, дать возможность мусульманским теологам выдвигать новые концепции, отказываться от прежних точек зрения, изменять правила мазхабов, делая их более адекватными условиям Нового времени, тем самым глубоко реформировать исламскую общину, находящуюся в застое, отсталую по сравнению с западным христианским миром.

¹ Мухаметшин Р. Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в XX веке. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. С. 118.

² Юзеев А. Н. Философская мысль татарского народа. Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. С. 116.

³ Карибуллин А. А. Богословские и социально-философские проблемы в книге Ризаэтдина Фахретдина «Дини вэ иджтимагы́й мэсэлэлэр». Казань: РИИ, 2012.

⁴ Камали, З. Д. Философия ислама: В 2 т. Т. 1. Ч. 1. Философия вероубеждения. Казань: ТКИ, 2010. С. 60.

3. Камали, выступая со смелыми предложениями, тем не менее не предлагал разрушать традиционные ценности. Более того, он считал, что традиционализм не всегда выступал духовным тормозом в развитии татарско-мусульманского сообщества. Со времени завоевания Казанского ханства традиционалистские воззрения, следование старым религиозным авторитетам были порой единственным доступным способом сохранения национальной и религиозной самобытности татар, живших в христианской православной России. Это был способ выживания народа, противостоящего попыткам христианизации, размывания духовно-нравственных основ нации¹.

Муса Джаруллах Бигиев (1873–1949), выдающийся богослов, представитель реформаторского направления в религиозной мысли татар начала XX века, развил теорию отказа от слепого следования ханафитской правовой школе при сохранении ее базовых основ. В статье «Мой взгляд на исламский шариат», опубликованной в газете «Ил» в 1913 г., М. Бигиев выражает свое отношение к шариату, отделяя его от понятия «мазхаб»². Он считает, что необходимо провести четкую границу между шариатом и мазхабом³. Шариат — божественное откровение, мазхаб же — это толкование его. Отрицание какого-либо положения или критика его, равно как и критика всего мазхаба и отрицание его, ни в коей мере не являются отрицанием божественного шариата. Как и критика тех или иных толкований Священного Корана не является критикой самого Корана или отрицанием Священного Писания.

Восхищаясь совершенством и способностями тех исламских ученых, которые заложили основы мазхабов, особенно таких известных, как ханафитский, шафиитский, ханбалитский, М. Бигиев подчеркивает, что данные школы не формировались путем заимствования из ранее созданных правовых систем — римской или иудейской, — а явили собой самостоятельно созданный продукт, результат независимого творчества великих ученых ислама⁴. При этом школы фикха не могут быть ни постоянными, ни статичными, они не могут претендовать на всеохватывающую природу. Те решения, которые могли быть верными и правильными в определённое время для определённой территории и для определённых людей, могут быть абсолютно ошибочными для людей иной эпохи, другого этапа развития общества, иной местности.

В то же время М. Бигиев не отрицает мазхабы как таковые. Он лишь пытается вернуть общество к пониманию того, откуда появились

¹ Камали З.Д. Философия ислама: В 2 т. Т. 1. Ч. 1. Философия вероубеждения. Казань: ТКИ, 2010. С. 61.

² Бигиев М.Д. Избранные труды / сост. и пер. с осман. яз., введ. сн. и коммент. А. Хайрутдинова. Казань: ТКИ, 2014. С. 298.

³ Там же. С. 298.

⁴ Там же.

мазхабы, а также хочет доказать, что не мазхаб является неприкосновенным, а только лишь шариат¹. «Наши правовые школы являются драгоценным наследием, которым мы должны пользоваться. Но они ни в коей мере не являются грузом, который должен наносить нам вред и ввергать нас в бедствие»², — считает М. Бигиев.

Таким образом очевидно, что крупнейшие представители татарской научно-богословской мысли главным образом придерживались ханафитского мазхаба, воспринимая его как некий стандарт для исповедания ислама. В то же время многие из них не признавали четких рамок таклида, слепой приверженности религиозно-правовой школе. Это связано с тем, что таклид в своем абсолютном проявлении не предполагает самостоятельного научного поиска, разработки научной базы тех или иных действий мусульман как в вопросах поклонения, так и в вопросах правовой жизни. Для представителей татарской научно-богословской, религиозно-правовой мысли это было порой неприемлемо, так как положение, при котором создавалось большинство правил ханафитского и прочих мазхабов, довольно сильно отличалось от положения мусульман XVIII — начала XX в. В то же время отказ от мазхаба мог привести к полной дезориентации татарского мусульманского сообщества, так как вся религиозная и религиозно-правовая практика народа строилась на основе конкретной ханафитской традиции. Это приводило их к мысли, что с изменением условий жизни мусульманского социума порой корректируются и некоторые правила жизни, корректируется правовая система регуляции социума, при этом неизменным остается базис в виде основополагающих традиций действующей религиозно-правовой школы.

Литература

Адыгамов Р. К. Габдрахим Утыз-Имяни. Казань: «Фэн»; АН РТ, 2005. 234 с.

Амирханов Хусаин. Таварих-е Булгарийа (Булгарские хроники). М: ИД «Марджани», 2010. 232 с.

Бигиев М. Д. Избранные труды: В 2 т. Т. 1 / пер с осман. яз. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. 336 с.

Бигиев М. Д. Избранные труды / сост. и пер. с осман. яз., введ., сн. и коммент. А. Хайрутдинова. Казань: ТКИ, 2014. 398 с.

¹ Бигиев М. Д. Избранные труды / сост. и пер. с осман. яз., введ., сн. и коммент. А. Хайрутдинова. Казань: ТКИ, 2014. С. 30.

² Бигиев М. Д. Избранные труды: В 2 т. Т. 1 / пер. с осман. яз. Казань: ТКИ, 2005. С. 82.

Давлетшин Г. М. Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа (истоки, становление и развитие). Казань: Татар. кн. изд-во, 2004. 431 с.

Камали З. Д. Философия ислама: В 2 т. Т. 1. Ч. 1. Философия вероубеждения. Казань: Татар. кн. изд-во, 2010. 320 с.

Карибуллин А. А. Богословские и социально-философские проблемы в книге Ризаэтдина Фахретдина «Дини вә ижтимагый мәсьәләләр». Казань: РИИ, 2012. 87 с.

Курсави, Абу-н-Наср. Наставление людей на путь истины (ал-Иршад ли-л-ибад) / пер. с араб. яз. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. 304 с.

Марджани Ш. Зрелая мудрость в разъяснении догматов ан-Насафи (ал-Хикма ал-балига) / предисл. и пер. с араб. яз. Д. Шагавиева. Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. 478 с.

Мухаметшин Р. Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в XX веке. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. 246 с.

Путешествие Ахмеда ибн-Фадлана на реку Итиль и принятие в Булгарии ислама / пересказал Султан Шамси. Казань: изд. «Хузур — спокойствие», 2014. 144 с.

Утыз-Имяни Габдрахим. Избранное / сост. и пер. с араб. яз. Р. Адыгамова. Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. 320 с.

Филипс Абу Амина Биляль. Эволюция фикха: Ислам, закон и мазхабы. Киев: Ансар Фаундейшн, 2001. 224 с.

Известия о Хозарах, Бургасах, Болгарах, Мадьярах, Славянах и Руссах Абу-Али Ахмеда Бен Омар Ибн-Даства, неизвестного доселе арабского писателя начала X века, по рукописи Британского музея. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1869. 214 с.

Шагавиев Д. А. Татарская богословско-философская мысль (XIX–нач. XX в.): курс лекций. Казань: Институт истории АН РТ, 2008. 168 с.

Юзеев А. Н. Философская мысль татарского народа / — Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. 214 с.

References

Adygamov R. (2005). *Gabdrakhim Utyz Imyani*. Kazan: Fan-TAS. 34 p. (In Russian).

Amirkhanov Husain (2010). *Tavarikh-e Bulgariya* (Bulgar Chronicles). M: ID «Mardzhani». 232 p. (In Russian).

Bigiyev M. (2005). *Chosen Works*. In Two Volumes. Vol. 1. Kazan: Tatar Book Publishing House. 336 p. (In Russian).

Bigiyev M. (2014). *Chosen Works*. Kazan: TKI. 398 p. (In Russian).

Davletshin G. (2004). *Ocherki po istorii duhovnoy kulturyi predkov tatar-skogo naroda (istoki, stanovlenie i razvitie)* [Sketches on Stories of Mental

Culture of Ancestors of the Tatar People (Sources, Formation and Development)]. Kazan: Tatar Book Publishing House. 431 p. (In Russian).

Kamali Z. (2010). *Filosofiya islama*. V 2 t. T. 1. Ch. 1 — *Filosofiya veroubejdeniya* [Islam Philosophy. In Two Volumes: Vol. 1. Part 1 — Philosophy of Belief]. Kazan: Tatar's Book Publishing House. 320 p. (In Russian).

Karibullin A. (2012). *Bogoslovskie i sotsialno-filosofskie problemy v knige Rizaetdina Fahretidina "Dini ve idjtimagiy meseleler"* [Theological, Social and Philosophical Problems in Rizaetdin Fakhretdinov's Book "Dini ve ictimagy meseleler"]. Kazan: RII. 87 p. (In Russian).

Kursavi, Abu-n-Nasr (2005). *Nastavlenie lyudey na put istinyi (al-Irshad li-l-ibad)* [Instruction of People on the Way of the Truth (al-Irshad li-l-ibad)]. Kazan: Tatar Book Publishing House. 304 p. (In Russian).

Mardzhani Sh. (2008). *Zrelaya mudrost v razyyasnenii dogmatov an-Nasafi (al-Hikma al-baliga)* [Mature Wisdom in Explanation of an-Nasafi's Doctrines (al-Hikma al-baliga)]. Kazan: Tatar's Book Publishing House. 478 p. (In Russian).

Mukhametshin R. (2005). *Islam v obschestvennoy i politicheskoy jizni tatar i Tatarstana v XX veke* [Islam in Public and Political Life of Tatars and Tatarstan in the 20th Century]. Kazan: Tatar's Book Publishing House. 246 p. (In Russian).

Puteshestvie Ahmeda ibn-Fadlana na reku Itil i prinyatie v Bulgarii islama. Pereskazal Sultan Shamsi (2014). [Ahmed ibn-Fadlan's Travel on the River Itil and Islamization of Bulgaria / retold by Sultan Shamsi]. Kazan: "Huzur-spokoystviye". 144 p. (In Russian).

Utyz Imyani Gabdrakhim. *Izbrannoe* (2007). [Selected Works]. Kazan: Tatar's Book Publishing House. 320 p. (In Russian).

Filips Abu Amin Bilyal (2001). *Evolyutsiya fikha (Islam. zakon i Mazhabyi)* [Evolution of Fiqh: (Islam. Law and Madhhab)]. Kiev: Ansar Foundation. 224 p. (In Russian).

Hvolson D. (1896). *Izvestiya o hazarah, burtasah, bolgarah, madyarah, slavyanah i russah Abu-Ali Ahmeda ben Omar Ibn-Dasta, neizvestnogo dosele arabskogo pisatelya nachala X veka, po rukopisi Britanskogo muzeya* [News of Ahmad Ibn Rustah, Still Unknown Arab Writer of the Beginning of the X century, about Khazars, Burtasakh, Bulgarians, Magyars, Slavs and Rus-sakh, According to the British Museum's Manuscript]. St. Petersburg. Printing House of Imperial Academy of Sciences. 214 p. (In Russian).

Shagaviyev D. (2008). *Tatarskaya bogoslovsko-filosofskaya myisl (XIX-nach. XX vv.) Kurs lektsiy*. [Tatar's Theological Philosophical Thought (XIX-beginning of the XXth century). A course of lectures]. Kazan: Institute of History of TAS. 2008. 168 p. (In Russian).

Yuzeev A. *Filosofskaya myisl tatarskogo naroda* (2007). [Tatar People's Philosophical Thought]. Kazan: Tatar's Book Publishing House. 214 p. (In Russian).

EVOLUTION OF VIEWS OF THE TATAR PUBLIC THOUGHT REPRESENTATIVES ON ISLAMIC LAW SCHOOL IN XVIII — BEGINNING OF XX CENTURY

Nail B. ABULHANOV,

postgraduate student, chief specialist of
the department of science and education
(Tukaya St., 38, Kazan, Republic of
Tatarstan, 420021, Russian Federation).
E-mail: nailabulhanov@mail.ru

Abstract: The article deals with the actual problem of the study, preservation and development of traditional forms of social and religious life in the modern Tatar Muslim community. In this vein, we study the development of religious and legal thinking of the Tatars, the place and role of the Hanafi legal school, the evolution of the perception of religious law schools among the most famous representatives of the Tatar social thought. We also examine points of theologians of different historical periods or the madhhab, ijihad, taqlid of the general line in the religious and law thought of the Tatars in the XVIII — beginning of the XX century.

Keywords: Islam Social Thought, Islamic law, madhhab, Tatar theologians, Islam, Jadidism.

UDC 23

DOI: 10.22311/2074-1529-2017-13-1-91-102

